

РОЗА КИСС

A close-up portrait of a woman with long, dark, wavy hair. She has dark, smoky eye makeup and a serious, intense expression. The lighting is dramatic, with strong highlights on her face and deep shadows in the background.

**ТАК ВЫГЛЯДИТ
РАЗВОД**

Роза Кисс

Так выглядит развод

<https://litres.ru/74221754>

Аннотация

Открываю глаза. Вернее, один — и недоверчиво смотрю на мир. Еще ничего не помню. Сейчас предстоит самое противное — вспоминать кто ты, как обстоят дела, какой сегодня день и какие планы.

И вспоминаю про мужа.

Потом про сына.

Потом.. потом уже про себя. И становится до того мерзко... Щурюсь от яркого солнца, кстати, чего это оно так ярко светит?

В зеркале — круги под глазами, бледная кожа — лицо женщины, которая только что поняла: ее брак мертв.

ОЧЕНЬ ГОРЯЧО

- эмоции на максимум - муж предал по полной - сильная героиня - взрослые дети - герой добивается героиню

От автора:

КНИГА ГОРЯЧАЯ! ОЧЕНЬ

Героиня открывает для себя целый мир чувственных удовольствий, незнакомых ей ранее. А так же — она женщина не просто с характером, а с железной выдержкой. Станешь тут железной когда творится такое...

Содержание

Глава 1. Муж шепчет "котенок", но не мне	4
Глава 2. Предатель	7
Глава 3. Все выяснила	12
Глава 4. Железная леди	17
Глава 5. Муж пахнет чужими духами	22
Глава 6. Четверг: последний день перед бурей	26
Глава 7. Не просто тренер	31
Глава 8. Бабочка на затылке	36
Глава 9. Чья подстава?	41
Глава 10. Андрей	48
Глава 11. Андрей: наказание Алины	51
Глава 12. Запретная игра	57
Глава 13. Наказание становится строже	61
Глава 14. С ней можно	65
Глава 15. Алина старается	69
Глава 16. Лена так никогда...	73
Глава 17. Елена: ход конем	79
Глава 18. Кексы	85
Глава 19. Боль — моя подруга	91
Глава 20. Сын не виноват	96
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Глава 1. Муж шепчет "котенок", но не мне

Просыпаюсь от ощущения пустоты в постели.

Рука автоматически тянется к его стороне - простыня холодная.

В спальне темно, только полоска света из приоткрытой двери гостиной режет глаза.

Зачем он включил свет посреди ночи?

Сонно тянусь, переворачиваюсь на другой бок, но мысли в голове — вдруг что-то случилось? Все же, у него желудок перед сном болел.

Сейчас заварю ему крепкий чай и поищу что-нибудь в аптечке...

Тихо встаю, босые ноги тонут в мягком ковре. Иду на звук его голоса - низкого, приглушенного, но такого родного за двадцать три года брака.

— Да, я понимаю... - слышу я, замирая у двери

Его силуэт вырисовывается у панорамного окна. Лунный свет обтекает его обнаженные плечи, подчеркивает такой родной изгиб спины.

Он даже не потрудился надеть халат.

В одних боксерах, которые я выбирала недавно. Неде-

лю-две назад... *Последнее время все дни сливаются в едином коктейле будничной суеты.*

Не, я не считаю это плохим.

Наоборот, после сорока уже хочется капельку спокойствия в жизни. Не полный штиль, конечно, но малость... Хочется обычных каждодневных дел, а потом отдыха и тишины.

Тишины... Задерживаю дыхание, ненароком слушаю с кем он там разговаривает посреди ночи. И в мыслях нет ничего плохого... Мы с ним уже давным давно.

Приглушенный, но все же доносится его голос:

— Нет, не сегодня... Да, завтра... - он говорит эти слова с особой интонацией, которую я узнаю сразу. Так он договаривался о наших первых свиданиях.

И вдруг смех.

Тот самый.

Глубокий, с легкой хрипотцой, который раньше звучал только для меня, когда его губы скользили по моей шее, когда его руки...

Я хватаюсь за дверной косяк. Пальцы впиваются в дерево.

Нет. Не может быть.

— Хорошо, - его шепот становится еще тише, еще нежнее.
- И я тебя.

Тишина.

Долгая.

Слишком долгая.

Я слышу, как бьется мое сердце. Оно стучит где-то в горле, мешает дышать.

— **Спокойной ночи...** - он делает паузу, и я чувствую, как что-то внутри меня обрывается. — **...Котенок.**

Котенок.

Это слово врезается в меня, как нож.

Мозг лихорадочно припоминает — *так он называл меня в первые месяцы наших отношений пока не узнал, что мне не нравятся такие прозвища — уменьшительно-ласкательные. Я хоть тогда была простой студенткой, но словно чувствовала, что впереди у меня годы в аспирантуре, ученая степень, еще два красных диплома, высокий ранг на работе и повышение каждый год...*

Котенок.

Все разбивается об это слово.

Двое детей.

Взрослые сын и дочка.

Привычная рутина, проблемы на двоих...

...

Котенок.

И пауза.

И тихий мурлыкающий смех.

Глава 2. Предатель

Прячусь за косяк, отхожу в тень стены, но продолжаю оставаться у проема. Хочу услышать что-то еще...

Но сердце твердит — “не дай бог.”

Нет. Все верно.

Не дай бог это все наяву...

Дай бог проснусь.

Проснусь и подумаю еще — приснится же такое!

В припадке паники шлепаю себя по щекам. Ну же, Еленка, давай...

... тогда, еще в юности, вместо “котенка” он стал называть меня Еленкой. Еще шутил — раз ты такая важная, то давай вот так...

Последний щелчок по лбу — сама себя бью, стучу ладошками, чтобы скорее проснуться...

... чтобы, дай бог, выбило память... и мозг с тремя красными дипломами.

“Котенок”.

Андрей поворачивается на звук, но видит пустоту.

Его голос становится еще тише, он говорит практически интимно:

— Она спит... да нет, *она уже не в том возрасте чтобы*

мы с ней по ночам...

Тело леденеет.

Глаза расширяются от... страха... ужаса...

Нет. Не гнева.

Пока еще не гнева.

Не в том возрасте...

А он, значит, в том!!!

Волна ненависти поднимается к горлу, глаза наливаются кровью, но...

Я держу себя в руках.

Я умней.

Я сильнее.

Я выше и больше чем этот... клоун со своей сучкой, ожидающей случки.

Котенок.

Увижу. Найду. Убью.

Нет, пусть живут... еще бы руки о них пачкать... Но все равно увижу-узнаю.

— Ладно, давай... спокойной ночи... чмок-чмок.

Его голос просто истекает любовным соком. И что сразу приходит на ум — со мной он так — никогда.

Из темноты вижу, как он кладет смартфон на журнальный столик. Тот самый, что мы выбирали вместе в Милане, когда отмечали наши двадцать лет семейной...

Нет... Молчать... Не могу.

Лучшие сейчас же все выяснить...

Но ноги уже несут меня в сторону спальни, чтобы успеть тихо незаметно лечь.

Он продолжает стоять.

Я мягко ныряю в постель — уже холодную, он — все у окна.

Уже молчит.

Уже наболтался.

Стоит, смотрит на мир сверху... Панорамное окно большое... когда выбирали эту квартиру мне казалось, что эти окна несут так много счастья...

“Андрей! Я влюбилась в это окно...” — смеялась я, и на следующий день мы оформили покупку квартиры. Я тогда не сомневалась, что это и есть настоящая любовь, когда мужчина кладет к моим ногам целый мир...

Но теперь этот мир рушится. Наверное, из панорамного окна это видно хорошо.

Он продолжает молча стоять.

Я задерживаю дыхание, наблюдая, как он проводит рукой по лицу — жест усталости или сожаления? Нет, просто привычное движение.

Он не раскаивается.

Не сожалеет.

Наконец, он поворачивается и идет к спальне. Его шаги тихие, осторожные — не потому что боится разбудить меня,

а потому что привык скрывать.

Я едва успеваю закрыть глаза, когда он присаживается на край кровати. Матрас прогибается под его весом, и я чувствую, как его тепло касается моей спины. Он тянется ко мне, его пальцы едва касаются моих волос — ласковый жест, который раньше заставлял меня таять.

"Котенок", — шепчет он в темноте.

Но не мне.

Он ложится, поворачивается на бок, отгораживаясь от меня стеной молчания.

Я притворяюсь, что просыпаюсь, невнятно бормочу:
— Всё в порядке?

Его ответ — поцелуй в плечо. Сухой, быстрый, как роспись в ведомости.
— Просто пил воду. Спи, дорогая.

Дорогая. Не "котенок".

Я делаю вид, что засыпаю, а он...

Он достает телефон. Экран освещает его лицо синим светом. Я вижу отражение в окне — его пальцы быстро набирают:

"Спокойной ночи, малышка. Снись мне".

Он думает, что я сплю.

Думает, что я ничего не вижу.

Думает, что все под контролем.

Как же он ошибается.

Через несколько минут его дыхание становится ровным.

А я лежу с открытыми глазами, глядя в темноту, и пони-

маю одну простую вещь:

Мой муж только что лег спать с другой женщиной.

Просто сделал он это в нашей постели.

Рядом со мной.

Завтра утром я проснусь раньше него. Приготовлю его любимый кофе с корицей. Поцелую в щеку, когда он будет завязывать галстук.

А потом начну войну.

Глава 3. Все выяснила

Утро. Я варю кофе, и мои руки не дрожат. Сегодня — годовщина нашей свадьбы.

Ни ресторана, ни, как в молодости — гостей, еды и кино. Нет.

Мы хотели только вдвоем и... Вот оно, настало.

Андрей спит. Я наблюдаю, как его грудь медленно поднимается в ритме дыхания. Такой знакомый. Такой чужой.

Казалось, он такой мой...

На тумбочке рядом с ним телефон. Он никогда не оставляет его без присмотра.

Никогда.

И сегодня — как всегда, смартфон рядом с его рукой в десятке сантиметров. Можно взять и прочитать, но я хочу без скандалов.

В тишине.

Одна.

У меня план.

Беру кружку, делаю глоток обжигающего кофе... и "случайно" ее роняю. Фарфор разбивается о пол с оглушительным звоном.

— Черт! — вскрикиваю я, подскакивая.

Андрей вздрагивает, глаза открываются мгновенно — рефлекс бывшего спортсмена. Его фигура сейчас, в сорок с

лишком, стала даже еще соблазнительнее, чем в зеленые двадцать, когда мы только познакомились.

Против воли засматриваюсь на его крепкие плечи и представляю на них чужие блядские ноги...

— Что случилось?

— Ничего, — собираю мысли в кучку, на максимум врубаю актерский талант, — просто разбила кружку, — бормочу я, уже наклоняясь к осколкам. — Не вставай, я сама... Ой!

Искусный вздох боли, стараюсь как в театре. Капля крови появляется на пальце — я специально провела им по острому краю.

Андрей вскакивает.

— Ты порезалась? Давай посмотрим...

Он хватает меня за руку, тянет в ванную. Его телефон остается на тумбочке.

Позволяю ему промывать ранку, заклеивать пластырем.

Пока он копается в аптечке, я незаметно вынимаю из кармана свой телефон и кладу рядом с его — две одинаковые модели, купленные вместе в прошлом году.

А его утаскиваю в карман.

Он не заметил. У нас даже чехлы одинаковые — прозрачные, пока не начнешь копать в телефоне — где чей не отличишь.

Дети еще смеялись, что мы, типа, не хотим разбираться в моде, ведь сейчас такой большой выбор моделей...

“А вы — два сапога пара”, — сказала Анька, ей уже два-

дцать два.

Серге под двадцатник, на днях будет день рождения, в отличие Аньки он такой шалопай...

Мы собирались на день рождения купить ему машину, по-возить его по автосалонам и оплатить. Но буквально на днях — недели две назад — муж сказал, что “*машина для него — не лучший подарок*”, мол молодой еще, на дорогах опасность и вообще — ему об учебе думать надо...

И замял эту тему.

Вздрагиваю от воспоминаний, теперь-то я понимаю почему.

— Все, не смертельно, — бормочет он, отпуская мою руку.

Я смотрю во все глаза. На мгновение мне показалось, что он прочитал мои мысли и... на них ответил.

Но нет. Он промывает мою рану.

Собираю себя в кулак и говорю, стараюсь обычным голосом:

— Спасибо, — улыбаюсь. — Иди досыпай, я уберу осколки.

Он кивает, возвращается в постель, берет... мой телефон. Идет в душ, захлопывает дверь.

Через секунду я уже листаю его сообщения.

“Алина. 23 года. Фитнес-тренер”. Адрес премиального фитнес-клуба. Так-так... Пионерская 27а...

Листаю дальше.

Их переписка — нож в сердце.

"Ты пахнешь так вкусно..."

"Когда ты придешь? Я скукаю"

"Как и договаривались, вечером. Сказал, что совещание"

"И она верит?"

"Конечно. Не подозревает даже"

"Ты правда оставишь ее? Когда?"

"Скоро, котенок. Очень скоро."

Я делаю скриншоты. Отправляю их себе. Стираю следы.

Когда Андрей выходит из душа, я уже варю свежий кофе.

— Вот, — протягиваю ему чашку. — И... с годовщиной.

Он целует меня в лоб — обычно, буднично, совершенно спокойно. Берет теперь уже свой телефон и уходит на работу.

Я остаюсь одна. Впервые — по-настоящему: один на один с планами и с рваной болью в душе.

Я захожу в интернет, набираю номер премиального фитнес-клуба по Пионерской. По чертовой 27а.

— Здравствуйте, я хотела бы приобрести абонемент, — говорю я сладким голосом. — На имя Елены Соколовой.

Пауза.

— И еще... Вы не подскажете, какие часы работы у тренера Алины? Я слышала, она просто чудо.

На другом конце провода девушка оживает:

— О, Алина у нас действительно лучшая! Ее групповые занятия по пятницам в 18:00 всегда аншлаг. А еле она рабо-

тает индивидуально...

— Прекрасно, — улыбаюсь я в трубку. — Тогда запишите меня... именно на ее занятие. На групповое.

Пока на групповое. Присмотрюсь.

Кладу телефон и смотрю на свое отражение.

Губы алые.

Глаза холодные.

В пятницу я познакомлюсь с котенком лично.

Осталось ждать два дня.

Главное не нервничать.

Хоть как... через силу... успокоиться...

Дышу.

Вдох-выдох.

Что же, теперь даже интересно... Посмотрим кто кого.

Глава 4. Железная леди

Машина мчит по мокрому асфальту, дворники монотонно смахивают дождь.

Сжимаю руль так, будто он может рассыпаться в пальцах, если ослаблю хватку.

Еще два дня.

Чертовых дня.

Два дня — это сорок восемь часов до утра пятницы. Две тысячи восемьсот восемьдесят минут, — лихорадочно считает мозг, привыкший все держать под контролем.

Это бесконечность, если считать каждую секунду.

Каждую миллисекунду.

Каждый вдох.

Радио бормочет что-то о пробках, но я не слышу. В голове — только ее голос из тех сообщений:

«Когда ты придешь? Я скучаю!»

Я резко перестраиваюсь, обгоняю медленно плетущийся грузовик. Мне хочется давить на газ, мчаться быстрее, уехать так далеко, чтобы ни пятница, ни она, ни этот ком в горле больше не имели значения.

Но я просто еду на работу.

Одна.

Меня никто не возит.

Муж уходит всегда раньше, хотя мог бы...

Да плевать!

Еду одна. В тишине. Стараюсь ни о чем не думать, но... мысли грызут меня изнутри, как голодные крысы.

Дождь стучит по крыше. Светофоры, заплаканные дождем, мелькают. Жизнь идет своим чередом...

А я — просто жду.

Сажу за столом в своем кабинете и пятый раз за час перечитываю один и тот же документ. Текст расплывается перед глазами — цифры, графики, юридические формулировки — ничего не задерживается в голове.

Я — финансовый директор крупной фармацевтической компании. Моя работа — контроль бюджетов, переговоры с инвесторами, анализ рисков.

Моя работа — контроль.

Мои коллеги называют меня «железной леди» — я никогда не ошибаюсь, никогда не срываю сроки, никогда не позволяю эмоциям влиять на решения.

Никогда...

Но сегодня я не могу сосредоточиться. Обхватываю голову руками, роняю ее на ладони, руки локтями ставлю на стол... Тяжелый выдох вырывается из груди.

Сегодня только среда.

До пятницы долго.

Закрываю папку и с силой откидываюсь в кресле. Офис за стеклянной стеной шумит — звонки, принтеры, голоса. Ни-

кто не догадывается, что у «железной леди» внутри — ураган.

Котенок.

Я достаю телефон, снова открываю их переписку. Читаю.
"Когда придешь? Я скучаю"

...

"Ты правда оставишь ее? Когда?"

...

Его ответ...

"Скоро, котенок. Очень скоро."

...

Каждое слово — как удар.

Я знаю, что это ошибка — перечитывать. Себя только бедить, свои больные раны. Все психологи мира советуют себя любить.

Но я... читаю, чтобы напиться злобой.

Читаю все, что он писал ей...

Ей.. этой...

Нет. Не надо опускаться до оскорблений.

Надо любить себя.

Бросаю телефон, но рука сразу тянется обратно. Не могу остановиться. Это как ковырять рану — больно, но оторваться невозможно.

Мой ассистент стучит в дверь.

— Елена Сергеевна, у вас через пять минут совещание с маркетингом.

— Перенесите.

— Но...

— Перенесите.

Она замирает, кивает и быстро ретируется.

Я никогда не срываю сроки.

Но сегодня — исключение.

Внезапно наступает вечер и я уже дома. Не помню как добралась, нормально ли ехала. Просто села за руль, мысли в голове и...

В гости пришел сын.

Поесть.

Ему в своей квартире лень готовить. Квартину, кстати, мы с мужем купили, он очень хотел быть хорошим отцом.

Но недавно перестал хотеть. Машину, поэтому, не купили. А теперь уже ясно откуда ноги растут...

Стою у плиты, механически помешиваю соус для пасты. Рука движется сама по себе — годами наработанная привычка. Ужин. Дом. Семья.

Но мысли — там. В фитнес-клубе, где уже буду... нет. Не завтра. Голова уже не варит, казалось, остался один день...

Нет.

Еще долго ждать.

Еще долго забивать свою голову мыслями об этой девке.

О ней.

Я так и рисую в воображение, как она двигается. Как сме-

ется. Как смотрит на мужчин.

На моего мужа.

Я слишком резко бросаю ложку в раковину.

— Мам, ты чего? — Макс заглядывает на кухню, жуя булку, до ужаса любит выпечку.

— Ничего, просто устала.

Он смотрит на меня внимательно, его глаза изучают мое лицо.

— Ты странная сегодня.

— Работа.

Он хмыкает и уходит, оставляя меня наедине с кипящей кастрюлей и мыслями.

Глава 5. Муж пахнет чужими духами

Два часа как Андрей должен быть дома. Но его нет.
Конечно, понятно.

Я сижу в гостиной, пью третий бокал вина и смотрю на часы. Стараюсь не смотреть, но взгляд так и скользит по циферблату.

Он ничего не сказал.

Даже не сообщил про “совещание”.

Не позвонил.

Раньше он всегда звонил.

Телефон лежит передо мной. Я могу проверить его геолокацию. Могу позвонить. Могу устроить сцену.

Но я ничего не делаю.

Я жду...

... и ложусь спать. Потому что скоро полночь. У него “просто завалился на работе, вот и не успел” — я знаю наперед что он мне скажет, — “а потом мы с ребятами прогулялись до бара”.

Глаза напряженно смотрят в пустоту. В тишине громкое тик-так — отсчитывает время.

Ключ поворачивается в замке.

Я не встаю.

— Лен? Ты не спишь? — Его голос удивленный, чуть виноватый.

Он заходит в гостиную, и я вдыхаю его запах — дорогой парфюм, легкий дымок — он курил, что-то еще...

Духи.

Сладкие. Ванильные.

— Где ты был? — Мой голос звучит спокойно. Слишком спокойно.

— Задержался на работе. Потом зашел с коллегами выпить.

Ну да. Как и всегда.

— С какими коллегами?

— Ну... Петр, Игорь. Ты их не знаешь.

Я медленно поднимаю на него глаза.

— Ты пахнешь чужими духами.

Он замирает.

— Это... Наверное, в баре кто-то обрызгал. Там было тесно.

Я держу паузу.

— Я приготовила ужин.

— О, черт, прости...

— Он в холодильнике. Разогрей сам.

Я лежу в темноте и слушаю, как он копается на кухне. Включает микроволновку, лязгает вилками.

Потом шаги.

Он заходит в спальню, раздевается и ложится рядом. Его движения странно осторожные, будто он боится разбудить меня, хотя знает — я не сплю.

— Лен... — его голос прерывается.

Я не поворачиваюсь. Дышу ровно, спокойно.

Он замолкает. Ложится на бок, тихо вздыхает, удобно укладывается под одеялом. Берет вдох и...

... он хочет что-то сказать.

Я это чувствую.

Я готова. Я слушаю.

Может, это что-то изменит...

Его пальцы слегка касаются моего плеча — легкое, неуверенное прикосновение.

Я не двигаюсь.

Он отдергивает руку.

И вот тогда, в темноте, я понимаю: он тоже боится.

Но не за меня.

А за себя.

За то, что я узнаю.

За то, что каждый день могу узнать.

Он всё же решается заговорить — и я буквально чувствую, как в его горле сталкиваются слова, как рвётся наружу эта фальшивая нерешительность...

— Лен...

— Спокойной ночи, Андрей.

Он вздыхает и поворачивается на бок и через десять минут храпит.

А я смотрю в потолок и думаю о пятнице.

О том, как посмотрю ей в глаза.

Как улыбнусь.

Как начну войну.

Глава 6. Четверг: последний день перед бурей

Утро началось с кофе, который я пересолила.

Нет, я не пью соленый, я не из тех, кто в кофе добавляет соль. Я добавляю сахар — потянулась рукой к сахарнице... задумалась и...

Вместо сахара — теперь соль.

Я стою на кухне, наблюдаю, как крупинки соли медленно растворяются в черной жидкости, и думаю, что это идеальная метафора моей жизни — что-то невидимое, но отравляющее каждый глоток.

Дверь скрипит — Андрей входит на кухню, свежий, бодрый, в идеально отглаженной рубашке.

— Ух, какой аромат! — Он тянется к моей чашке, но я резко отодвигаю ее.

— Не пей. Я пересолила.

— Да ладно, — он ухмыляется, — может, это новый тренд? Морской кофе?

Я не смеюсь.

Его улыбка замирает, глаза бегло скользят по моему лицу, и я вижу, как в его взгляде мелькает что-то тревожное — будто он только сейчас замечает, что между нами выросла невидимая стена. Но сказать об этом он не решается.

Вместо этого поворачивается к кофемашине, делая вид, что все в порядке. А я продолжаю смотреть, как последняя крупинка соли исчезает в моем кофе.

Он наливает себе свежий кофе, выпивает залпом, целует меня в щеку — его губы едва касаются кожи, небрежно, будто я дверной косяк — и говорит:

— Сегодня, наверное, задержусь.

— Опять?

— Да нет, не опять, — он хмурится, — просто совещание.

— В восемь вечера?

— Лен, — вздыхает он, — не начинай.

Я сжимаю кружку так, что пальцы белеют.

— Хорошо. Не начну.

Он уходит, оставляя за собой шлейф лжи и моего молчания.

Дверь закрывается с тихим щелчком, а я продолжаю вглядываться в черноту кофе, где уже не осталось ни одной не растворенной крупинки соли.

Работа ничерта не спасает.

Сiju с коллегами, конференция. Киваю, делаю пометки в блокноте, а перед глазами — только одно:

Завтра.

Завтра я увижу её.

Завтра буду дышать с ней одним воздухом.

Завтра узнаю, что в ней есть такого, чего нет во мне.

— Елена Сергеевна, вы согласны?

Я вздрагиваю. Весь зал смотрит на меня.

— Простите, я отвлеклась. Повторите, пожалуйста, вопрос.

Маркетологи переглядываются. «Железная леди» никогда не отвлекается.

А я чувствую, как под воротником блузки медленно ползёт капля пота.

Стрелка часов приближается к часу дня, и я, отодвигая папки с отчетами, резко встаю из-за стола.

Мне нужно бежать, нужно двигаться, нужно что-то менять — прямо сейчас, в этот самый момент, пока я еще не задохнулась от этой удушающей рутины.

Машина послушно заводится с первого раза, будто чувствует мое нетерпение. Я мчу по городу, пальцы барабанят по рулю в такт какой-то забытой мелодии, которая крутится в голове. Салон встречает меня прохладой и запахом лака для волос — сладковатым, почти приторным.

— Подстричь и уложить, — говорю я стилисту, и мой голос звучит чужим даже для моих собственных ушей.

— Как обычно? — спрашивает он, уже доставая знакомые инструменты.

— Нет.

Мои пальцы лихорадочно листают глянцевого журнала, пока не находят нужную страницу. Вот оно — каре до подбор-

родка, четкие, почти хирургические линии, никакой небрежности, никаких полутонов.

— О, это вам пойдет! — восклицает парикмахер, и в его глазах загорается тот самый профессиональный азарт.

Я молчу.

Мне плевать, "пойдет" или нет.

Мне нужно, чтобы было по-другому. Чтобы, глядя в зеркало, я увидела другого человека — того, кто способен на войну.

Первая прядь падает на пол.

Потом вторая.

Третья.

Ножницы стучат, будто отсчитывают секунды до завтрашнего дня. В зеркале мое отражение меняется с каждым срезом — глаза кажутся больше, скулы острее, взгляд — холоднее.

Увидит ли он?

Заметит ли?

Или уже настолько разучился смотреть мне в лицо?

Вечер застает меня в примерочной спортивного магазина. Я стою перед зеркалом в пятых по счету леггинсах, критически изучая каждую складку, каждую линию.

— Мне нужны такие, которые подчеркивают каждую мышцу, — говорю я продавщице, и мой голос звучит так, будто я заказываю оружие, а не одежду.

— Собираетесь кого-то сразить? — ухмыляется она, явно

довольная своей шуткой.

— Да, — отвечаю я, глядя своему отражению прямо в глаза. — Себя.

Черные, с едва заметным блеском — они облегают тело, как вторая кожа. Топ, подчеркивающий талию. Кроссовки, в которых можно бежать — или нападать.

Кассир упаковывает покупки, а я чувствую, как внутри растет что-то новое — острое, колючее, готовое к бою. Двери магазина распахиваются, и холодный вечерний воздух бьет в лицо.

Я выхожу, сжимая пакеты, и понимаю: завтра я переступлю порог не просто фитнес-клуба.

Я вступлю на поле боя.

Глава 7. Не просто тренер

Часы показывают десять, когда дверь, наконец, открывается. Андрей переступает порог, его пальцы расстегивают пальто с той небрежной грацией, которая когда-то заставляла мое сердце биться чаще.

Я сижу в гостиной, сжимая в ладонях чашку с чаем - на этот раз без соли.

На экране мелькают кадры сериала, но я не вижу лиц актеров, не слышу реплик. Голоса сливаются в монотонный гул, словно доносящийся из-под воды.

Ложка звенит о фарфор, когда я невольно вздрагиваю от скрипа ламината под его ботинками. Он останавливается в дверном проеме, его тень ложится на спинку дивана, почти касаясь моего плеча.

— Ты еще не спишь?

Его голос звучит слишком громко в этой тишине.

Делаю медленный глоток, чувствуя, как обжигающая жидкость обволакивает язык, но не могу различить вкус - только тепло, только боль.

— Ждала тебя, — отвечаю я, и мои слова повисают в воздухе, тяжелые, как свинец.

На экране кто-то смеется. Искусственно. Натянута. Как и эта наша жизнь последние месяцы.

— Зачем? Я же говорил, что задержусь.

— Ты не ответил на мой звонок.

— Было совещание.

— В восемь вечера?

Он вздохнул, подошел, сел рядом.

— Лен... Ты что-то не так себя ведешь.

Я повернулась к нему.

— А как я должна себя вести?

Он смотрел на меня, и вдруг его глаза расширились.

— Ты подстриглась.

— Да.

— Почему?

— Просто так. Разве стрижка должна происходить почему-то?

Он хотел что-то сказать, но я встала.

— Я спать. Завтра рано вставать.

***.

Темнота сгущается вокруг — в сердце и за окном — плотная и безжалостная, как правда, которую я теперь знаю.

Я лежу неподвижно, стиснув зубы до боли, и слушаю.

Как он дышит.

Ровно. Глубоко. Спокойно.

Как будто не предал. Как будто не врал.

Его дыхание — медленное, размеренное — режет мне слух.

Он спит. Спит так легко, будто не оставил за собой руин.

Будто не разорвал меня изнутри.

Я сжимаю кулаки под одеялом, ногти впиваются в ладони.
Он здесь. Всего в нескольких сантиметрах. Его рука лежит на одеяле — та самая рука, что гладила ее кожу.

Я ненавижу его за этот сон.

Ненавижу за то, что он может спать.

А я нет.

Не теперь.

Не после всего.

Тени на потолке, кажется, шевелятся, принимая очертания ее лица — того, что я еще не видела, но уже ненавижу.

Завтра.

Завтра я увижу ее.

А сегодня...

Сегодня я просто лежу и слушаю, как дышит человек, который убил нас, даже не заметив.

Будильник прозвенел в шесть, но мои глаза были открыты еще до его звона — всю ночь я ворочалась, перебирая в голове возможные сценарии сегодняшней встречи.

Всякие.

Разные.

Ото всех тошнит.

Кофе, который я варила на автомате, оказался горьким даже без соли. Душ не смыл это липкое ощущение тревоги, а помада, которую я наносила с особой тщательностью, оста-

вила на зубах противный восковой привкус.

Рабочий день пролетел мимо и в норме бы порадоваться этому...

Но не сейчас.

Теперь я стою перед зеркалом в раздевалке фитнес-клуба, и мое отражение кажется мне чужим. Новые леггинсы, как вторая кожа, подчеркивают каждую линию тела, а спортивный топ делает плечи уже, талию уже — будто я сжимаюсь, готовясь к броску.

Где-то за этой дверью — она.

Мои пальцы непроизвольно сжимают полотенце. Только полотенце, больше ничего лишнего. Ничего, что могло бы выдать мое истинное намерение.

Но отражение в зеркале все кажется мне чужим.

Глаза — слишком внимательные. Губы — слишком плотно сжатые. В них нет расслабленности, нет той легкости, с которой сюда обычно приходят женщины.

Я пришла на войну.

Разминаюсь у стены, наблюдаю, как зал постепенно заполняется. В основном женщины — молодые, подтянутые, с идеальными ногтями и заплетенными в тугой хвост волосами. Они смеются, обсуждают последние новости, перебрасываются шутками.

А я жду.

И вот — дверь открывается, и в зал входит она.

Алина.

Котенок.

Мучительно закрываю глаза.

Глава 8. Бабочка на затылке

Первое, что бросается в глаза — ее энергия.

Она не просто входит, она врывается, как ураган, оставляя за собой шлейф смеха и легких духов. Высокая, подтянутая, с каштановыми волосами, собранными в высокий пучок.

Лицо — открытое, смуглое, с ямочками на щеках и карими глазами, которые блестят, как будто она только что услышала самую смешную шутку на свете.

— Привет, девчонки! — ее голос звонкий, чуть хриловатый, как у тех, кто привык командовать.

Она хлопает в ладоши, и зал мгновенно затихает.

— Кто готов попотеть?

В ответ — смех и одобрительные возгласы.

Я стою в стороне, наблюдаю.

Она не просто тренер — она звезда. Она ловит каждую реакцию, каждую улыбку, каждое движение. Она знает, что все здесь — ради нее.

И, судя по переписке с моим мужем, не только здесь.

— О! — ее взгляд падает на меня. — Новенькая?

Я киваю, делаю шаг вперед.

— Елена.

— Привет, Елена! — Она подбегает ко мне, и я ловлю запах ее духов — сладких, с нотками ванили. Тех самых, что

я уловила на рубашке мужа на прошлой неделе.

— Рада тебя видеть! Сегодня будем выжимать из тебя все соки, — она подмигивает, и я заставляю себя улыбнуться в ответ.

Ее рука касается моего плеча — легкое, дружеское прикосновение.

— Ничего не бойся, я с тобой.

"Я с тобой."

Фраза, которую она, наверное, говорит всем. Которая звучит так тепло, так заботливо.

Которая нравится всем.

И моему мужу в том числе.

Занятие начинается.

Музыка гремит, Алина кричит команды, прыгает, смеется, подбадривает.

Она живая.

Она яркая.

Она — полная противоположность мне.

Я выполняю упражнения, но мой взгляд неотрывно следит за ней.

Как она двигается — энергично, но мягко.

Как смеется.

Как касается девушек, поправляя их позы — легкое касание бедра здесь, спины там.

Тактильная.

Мой муж любит, когда к нему прикасаются.

Я всегда была сдержанной.

А она...

Она — огонь.

Двигаюсь вслед за ней, пытаюсь... соответствовать. Нет. Только в физическом плане. Я про тренировки...

Черт. Кому я вру.

Не свожу глаз с ее спины — *стройная гибкая, с ее острых плечей, худых рук и длинных пальцем с ярким маникюром. Черным. Она эффектно отбрасывает свисающий до пояса хвост набок, обнажая затылок, с выбритым на нем рисунком бабочки, сидящей боком. Вот-вот улетит.*

Интересно, зачем бабочка на затылке?

Смотрю на бритый затылок не сводя глаз. Он так и привлекает к себе внимание...

После занятия я остаюсь, делаю вид, что пью воду.

— Ну как, понравилось? — Алина подходит ко мне, вытирая лоб полотенцем.

— Да, — отвечаю я. — Ты отличный тренер.

— Спасибо! — Она улыбается, и я вижу, как ее глаза бегло скользят по моей фигуре. — Тебе надо чаще приходить, у тебя хорошие данные.

"Хорошие данные."

Мне сорок шесть. Ей двадцать три.

Разница в целую жизнь.

— Спасибо, — говорю я. — Я подумаю.

— Отлично! — Она хлопает меня по плечу. — Кстати, если хочешь индивидуальные тренировки — я свободна по вечерам.

— По вечерам? — переспрашиваю я.

— Да, с восьми до десяти.

С восьми до десяти.

Именно в это время мой муж "задерживается на работе".

— Спасибо, — улыбаюсь я. — Я учту.

Она кивает и убегает к другим девушкам, оставляя меня наедине с мыслями.

Я смотрю на ее спину, на то, как она легко перескакивает с одной темы на другую, как заразительно смеется.

Она не злая.

Она не монстр.

Она просто...

Молодая.

Живая.

Беззаботная.

И мой муж выбрал ее.

Выхожу из зала, и в раздевалке ловлю себя на том, что смотрю в зеркало снова.

Мои глаза больше не холодные.

Они горят.

Теперь я знаю врага в лицо.

Знаю, ради чего мой муж готов разрушить нашу жизнь.

Глава 9. Чья подстава?

Выхожу из фитнес-клуба и холодный вечерний воздух бьет мне в лицо, как пощечина. Ноги несут меня к машине на автомате — шаг за шагом, механически, будто кто-то другой управляет моим телом.

Пальцы дрожат, когда я роюсь в сумке в поисках ключей. Металл выскальзывает из рук, падает на асфальт с глухим звоном.

Приседаю, чтобы поднять, и вдруг замечаю — на ладони остались следы от ногтей.

Глубокие, багровые. Я сжимала кулаки так сильно, что теперь на коже проступила кровь.

Ее кровь.

Нет, пока еще моя. Но это только начало.

За рулем я вдруг понимаю, что не помню, как завела машину. Город проплывает за стеклом — огни, тени, чужие лица. Все кажется нереальным, как в дурном сне.

В голове — только она.

Алина с бабочкой на затылке. Смеющаяся энергичная...

Ее смех, звонкий и молодой. Ее руки, уверенно поправляющие позы клиенток. Ее взгляд — такой открытый, такой... наглый в своей невинности.

Я включаю радио, чтобы заглушить мысли, но из динамиков льется дурацкая любовная песня. Вырубаю звук резким

движением.

Телефон вибрирует в кармане. Андрей.

«Где ты?»

Я смотрю на сообщение, и во рту появляется привкус железа — видимо, прикусила щеку.

«В магазине», — отвечаю я, не задумываясь. Вру так же легко, как он.

Дом встречает меня тишиной. Андрей на кухне, разогревает ужин. Поворачивается, улыбается — как ни в чем не бывало.

— Как работа? — спрашивает он, и в его глазах мелькает что-то... Напряжение? Или мне кажется?

— Обычно, — пожимаю плечами, прохожу мимо.

В душе я стою под ледяными струями, скребу кожу мочалкой, пока не появляется краснота. Но ее запах — эти духи, сладкие и навязчивые — будто въелся в меня.

Позже, когда Андрей уже спит, я открываю ноутбук. Набираю в поиске:

«Алина Климова фитнес Пионерская 27а»

Социальные сети выдают мне ее страницу сразу же. Улыбается, сверкает плоским животиком, выкладывает сторис с тренировок. А на одной — ноги в чулках и на них мужская рука...

Дорогие часы. Которые я дарила ему на день рождения в бог весть каком забытом году.

Я захлопываю ноутбук так резко, что Андрей ворочается во сне. В темноте спальни его профиль кажется чужим — резкая тень от уличного фонаря режет лицо пополам, превращая в зловещую маску.

Подхожу к шкафу, где висит его пиджак. Пальцы скользят по подкладке, выуживая из кармана чек из ресторана. «La Veranda». Датирован вчерашним числом.

Телефон в моей руке оживает — делаю фото чека, отправляю себе. Возвращаю бумажку на место.

Я вдруг понимаю — здесь что-то нечисто. Он никогда не хранит чеки.

Значит, это подстава.

Он хочет, чтобы я нашла.

Или она.

Кто-то хочет, чтобы я закатила сцену.

Чтобы у него был повод сказать: «Ты сошла с ума!» и уйти с чистой совестью.

Я медленно выдыхаю.

Нет. Так не получится. Я буду вести свою игру.

Первой мыслью было отправиться в ресторан, сесть рядом, затаиться с поворотом и явиться, когда они будут там миловаться.

Нет. Не орать. Не выяснять отношения.

А просто встать около столика и посмотреть ей в глаза...

А потом ему.

Я живо себе это представила и стало понятно: это не план, это полная хрень. Лажа, жопа... можно назвать как угодно. Но с таким планом — лучше не ввязываться в войну.

НО...

Я должна победить...

И тут я призадумалась: а чего, собственно, мне надо? Узнать кто она — узнала.

Вернуть мужа в семью? Ну уж нет.

Мы с Андреем много лет, я его берегла как зеницу ока. Несмотря на работу дома все наготовлено, убрано, вымыто...

Нет. Опускаться до глупых обвинений — не мое.

Какая, собственно, моя цель? Странно, но я не могу ответить. Закрываю глаза, отпускаю все мысли к чертовой матери и....

... вижу рожу этой Алины... заплаканной.

ДА!

Теперь мне четко все понятно.

Я не хочу громких фраз. Не хочу его обещаний. И уж точно не стану говорить ей нравоучения.

Я хочу...

Я хочу ее слез!

Шестеренки забегали в голове, я быстро сложила все факты в кучу и...

Да.

Поняла.

Вот это — истина. Девочка заплачет только если... красивый богатый Андрей пошлет ее к чертям.

На бешеном воодушевлении иду на кухню, мир, кажется, засиял яркими красками — даже луна, символ ночи, стала светить золотистым светом.

Сама себя поправляю — луна — это символ СВЕТА в ночи. Даже когда темно, надо идти на свет и выйдешь... в утро.

А что для меня утро? — мучаю себя философией.

Утро — это когда меня кто-то ждет.

И опять стало тоскливо. Вот я представила — придумаю план, даже сделаю так, чтобы Андрей сам его бросил. Естественно, как бы ни было больно... брошу сама.

Но потом... Я буду приходить в пустой дом, одна готовить еду, ну иногда — к приходу Максима, когда он надумает заглянуть к маме. Вечера буду коротать в гордом одиночестве и... кто от этого выиграет?

Точно не я!

Мысли вертятся в голове: я прошу, я...

А может...

Я ДАЖЕ НЕ УЗНАЮ О ТОМ, ЧТО У НЕГО ЛЮБОВНИЦА.

Якобы. Будто.

Он ее бросит. Все встанет на место и я... буду видеть его

глаза???

НУ УЖ НЕТ!

Нет!

Господи... Эмоции шпарят так, как никогда у “железной леди”.

Вздыхаю и понимаю стопроцентное: мне нужна пауза. Мне нужен перерыв.

Под коленками трясет, дыхание, к чертям, неровное. Ложусь к мужу в кровать...

К какому мужу?

Нет. Спокойно. К своему.

Беру телефон, чтобы хоть как-то отвлечься, перевести дух, полазить по соцсетям, посмотреть ленту друзей. Смотрю как готовить чизкейк, хоть и в жизни такое не приготовлю, тупо пялюсь в картинки, палец дрожит и экран становится белым.

Черт.

Сбила ленту.

Ну ладно, плевать.

Теперь вместо очереди постов у меня все в квадратиках — рекомендации. *Пролистываю вниз, и вижу собственное дите — подросшее уже, большое, скоро двадцати лет отроду...*

Максим обнимает девчонку.

Она уворачивается от кадра, прячет лицо и невольно...

показывает затылок.

Выбритый.

Бабочка боком. Летящая.

Сердце пропускает удар. Пальцы начинают трястись.

Друзья!

Поверим в случайность (ага-ага, типа Алина случайно упала на отца и сына) или заподозрим ее в хитрых действиях?

Продолжение обещает быть очень напряженным и безумно горячим (конечно, не с мужем предателем)

Книга уже написана полностью)

Не переключайтесь:))

Глава 10. Андрей

Господи...

Бумажка выпадает из кармана, когда я собираюсь на работу.

La Veranda.

Вчерашний ужин.

Сердце замирает.

Алина...

Она встречает меня в своей квартире, как всегда — в одном из тех своих черных шелковых халатиков, которые едва прикрывают бедра. Складывает розовые губки в улыбку, тянется для поцелуя, но я отстраняюсь.

— Привет, - улыбается, но улыбка сразу гаснет, когда видит моё лицо.

Молча протягиваю чек. Она хмурится, берёт в руки, разглядывает.

— И что это?

— Ты не знаешь? - голос звучит резче, чем хотелось.

Алина поднимает на меня удивлённые глаза:

— Ты серьёзно думаешь, что это я? - смеётся коротко и сухо. - О боже, ну конечно. Кто же ещё, да?

Она отворачивается, идёт к окну, скрещивает руки на груди. Знакомая поза - защищается.

— Алина...

— Нет, ты послушай, - оборачивается, и в её глазах настоящее негодование. - Я что, по-твоему, идиотка? Я что, специально хочу, чтобы нас раскрыли? Чтобы твоя жена... - она делает паузу, - чтобы Елена всё узнала? Нет, Андрюша... Я хочу, чтобы ты принял решение сам...

Я молчу. Она права - не похоже на неё. Но как же тогда...

— Может, ты сам забыл его в кармане? - подходит ближе, кладёт руку мне на грудь. - Или уборщица в ресторане подсунула? Или... я не знаю, может, твоя жена уже всё знает и проверяет тебя?

Последнее как ножом по сердцу.

Нет, Лена не могла...

Хотя...

Алина видит мои сомнения, и её лицо смягчается.

— Я же люблю тебя, - шепчет, обнимая. - Я не стану рисковать нами.

Я прижимаю её к себе, вдыхая знакомый запах.

Она права.

Должна быть права.

— Прости, - целую её в макушку. - Просто... я так боюсь тебя потерять.

Она поднимает лицо, и в её глазах столько нежности, что все сомнения тают.

— Дурак, - шепчет, целуя меня. - Ты меня не потеряешь. Никогда.

И я верю. Потому что должен верить. Потому что без этой

веры - без неё - мне не дышать.

Я буду верить ей. Даже если где-то в глубине души понимаю - она врет.

Я точно это понимаю.

Никто кроме Алины больше не мог этого сделать.

Ни один человек на свете.

Только она.

И я вижу это по ее глазам.

Но любовь слепа. И я готов закрыть глаза и на это.

Алина все еще смотрит на меня невинно, губы дрожат от обиды. Но я-то знаю ее лучше. Знаю, как она умеет лгать.

Я медленно провожу пальцем по ее щеке, чувствуя, как под кожей пробегает дрожь. Меня безумно возбуждают эти виноватые глазки. Так и хочется... засадить ей... по самое не хочу... чтобы дергалась, стонала и визжала...

С Еленкой такой страсти — НИКОГДА!

Смотрю в лицо милой молодой шлюшке. Я понимаю, что у нее кто-то еще есть и... возможно... не один...

Но сейчас — она передо мной. Вся такая маленькая, но хитрая.

— Ты врешь, — говорю тихо. — И за это тебя нужно наказать.

Глава 11. Андрей: наказание Алины

Ее зрачки расширяются, дыхание сбивается. Она смотрит на меня так...

Она знает, что значат мои слова. Я уже раньше ее наказывал по пустякам. Но сейчас...

Сейчас надо сурово.

Хорошенько.

Чтобы запомнила и поняла...

Чтобы ВСЕ запомнила и поняла.

Член уже стоит так, что хочется поскорее трахнуть. Встать в ее сладкое горячее лоно сходу на всю глубину, чтобы вырвать из ее горла крик — болезненный, протяжный... полный мУки, смешанной с наслаждением...

И напиться им всласть.

Возбужденно беру вдох.

А эти глаза...

Я обожаю когда она смотрит на меня так невинно, как это делает сейчас.

Стояк уже жжет, прожигает ткань.

Хватаю ее за запястье и резко притягиваю к себе. Она вскрикивает, но не сопротивляется. Наоборот — ее тело тут же отзывается, прижимается, будто само просит большего.

Так и есть, она просит большего, умоляет, жаждет.. За это и нравится, сучка.

Сучка!

Рррмм, — хочется гортанно шипеть, рычать. По-звериному жадно, хватая свою добычу. Свою покорную лань, которая смотрит на меня невинно и так часто-часто моргает...

От этого я схожу с ума — от ее сексуальности, горячности, от ее огненного нрава. От того, что она совсем не такая как жена.

Совсем!

Из другого теста и мне это чертовски нравится.

Именно поэтому я здесь и смотрю в ее глаза.

Малышка вроде бы и боится, но вместе с тем хочет...

В глазах страх, но губы приоткрыты так, что...

— Андрей... — шепчет она, но я затыкаю ей рот своими губами нарочито грубо.

Поцелуй жесткий, властный. Такой не принят в семье.

С женой так я не поступлю никогда. Она не поймет, если я с ней так сделаю. Будут удивленные глаза и вопрос: “ты чего, Андрей?”.

А мне хочется именно так. Чтобы жестко. Не по-семейному-уютно, а как с Алиной — обжигающе горячо.

Целую нарочито грубо — ввожу язык глубоко, прижимаю ее голову к своей, пальцами трогаю затылок, мну, тяну ее волосы.

А жена бы сказала “не порть мне прическу”.

Эх...

Плавали-знаем. Ну уж нет. *Зачем кому-то портить прическу, если не стороне есть Алина.*

Только она.

Она.

Может, это и одержимость, но мне как-то похрену.

Смотрю на нее... Вечно бы смотрел.

Глажу с силой по волосам, малышка не сопротивляется, а только шире открывает ротик для поцелуя.

Ротик.

У нее не рот.

Именно ротик.

Пухлогубый, который так напоминает нижнюю шелку, а потому я с наслаждением туда вставляю и... и сегодня вставляю...

Вставляю прямо сейчас.

И знаю, она не будет против, не скажет "нет". Из ее уст всегда только сладкое нежное "дааа".

Она стонет, цепляется за меня, ногти впиваются в плечи. Я отрываюсь, срываю с нее этот чертов халат — он падает на пол бесформенной шелковой лужей.

— На колени, — приказываю.

Она опускается, смотрит снизу вверх, губы чуть приоткрыты. Я провожу пальцами по ее губам, потом резко оттягиваю ее за волосы, заставляя выгнуться.

— Ты думала, я поверю?

— Я... я не...

Я не даю договорить. Притягиваю ее к себе, чувствую, как ее горячее дыхание обжигает кожу через ткань брюк. Она понимает, чего я хочу, и без слов расстегивает на мне ремень.

Член уже с ума сходит от желания, дрожит, пульсирует. Беру в руку, провожу по нему, сжимаю сильнее и обнаженной головкой провожу по ее губам. Сначала по нижней, потом по верхней — она у нее большая, пухлая.

Нетерпеливо хлопаю, оттягиваю волосы назад — хочу, чтобы она смотрела мне в глаза.

В глаза.

Да.

Это охрененное чувство, когда женщина стоит на коленях, униженная покорная, готовая сосать мой член и... смотрит в глаза.

Да. Дааа... Провожу членом по губам, головка уже настаивает на ее сладком ротике, но я до последнего сдерживаюсь, чтобы получить наивысший кайф.

Ее губы — горячие, влажные, жадные.

Оттягиваю волосы и вставляю — кладу головку на горячий влажный язычок.

УУу...

Как же я обожаю этот покорный взгляд, это горячее дыхание. Этот влажный рот...

Обхватываю за затылок и с силой вгоняю в горло.

Ммм...

Она давится, ее плечики поднимаются вверх, но я назидательно ее успокаиваю и будто бы даже советую что делать:
— Дыши.

Думаю, она знает сама.

Бедняжка сглатывает, но тут же снова берет меня в рот.

Уже сама.

Это кайф... наивысшей инстанции.

Ммм... Ее ротик... Какой он у нее влажный, горячий.

Толкаюсь сначала медленно, чтобы не потерять контроль и не кончить сразу. Такое удовольствие хочется подольше растянуть.

Но головка начинает сходить с ума. Чувствую, скоро захочется разрядиться...

Изо всех сил сжимаю кулаки, чтобы не потерять контроль.

Но она... сучка такая... знает, как довести — язык скользит, губы сжимаются, и я с трудом сдерживаю стон.

Ммм...

Вслух молчу.

Нет, так рано кончать мне не надо.

Я вижу.

Я понимаю чего она хочет.

Она хорошо работает ртом и знает как сделать, чтобы пахать орально ей было недолго, но...

Нет. Я не из таких.

Я не стану кончать вот так сразу.

Опытная девка.

— Хватит, — резко оттягиваю ее за волосы. Член выходит наружу, чувствует холодный воздух — после ее рта все остальное — лютый мороз.

Она смотрит на меня, губы блестят, глаза мокрые от возбуждения.

Сейчас бы в рот ей засадить до самых гланд и вытрахать до конца.

Но нет.

Самое сладкое — это смотреть, как она подо мной стонет. Как дергается, как мучается, как...

Она все смотрит на меня нежными невинными глазами. Стоит, покорная, на коленях и смотрит...

Твою мать.

Не кончить мы раньше времени от такой покорности. А потому внешне остаюсь очень и очень жестким.

Не говорю, а приказываю ей:

— На кровать.

Глава 12. Запретная игра

Алина быстро встает, она делает это так покорно, что член вздыбливается вверх, как взбесившийся конь.

Такой стояк... Помню такое только в молодости, когда был молод душой и... перцем еще не старел. И сейчас с ней, с Алиной — будто вернулся в те дни, когда мы были молоды с Еленкой, когда я отрывал её, отличницу-пятерочницу, от «важных дел».

А Алину не надо отрывать.

Она сама.

Сама.

Сама меня хочет.

Дико.

Упрямо.

По-настоящему. Стоит мне на нее только посмотреть. Позвонить. Сказать по телефону пару слов и...

Ее невинный взгляд снизу вверх... А когда она встает на цыпочки, опирается на мои плечи руками, и тянется губками ко мне...

Хочется рычать от тяги к сексу, от желания поскорее в нее вставить.

И такое со мной, рядом с ней, всегда.

И так хреново приходить домой и снова быть сидящем в кресле мужем, который приходит с работы — жрет разогре-

тую в микроволновке еду, или пусть даже свежесваренную Леной и... и, как старик, ложится спать.

Как можно спать, когда весь мир может быть у моих ног?
Ну как?

Это же невозможно.

А потому, чтобы удержать этот мир у моих ног — я прихожу сюда.

Не выдерживаю, сразу же, едва прохожу дальше порога — хватаю ее за бедро и разворачиваю спиной к себе. Прижимаю к стене, чувствую, как дрожит все ее тело.

Нет. Эта дрожь не может быть заказной.

Такое — только настоящее.

Я это вижу.

Чувствую.

Это видно за километр — ее настоящее возбуждение, которое просто невозможно скрыть.

Алина чувствует меня, ей нравится такой секс. Никто из ее пацанчиков-ровесников не даст того, что может опытный взрослый мужчина. А потому она со мной — она по-настоящему кончает, даже когда я трахаю ее в рот.

И ей нравится наша игра в наказание — когда она покорная, а я — разозлившийся дядя. Она — сладкая крошка, а я — настоящий страшный тиран.

И сейчас она кончает от одной только атмосферы. Я вижу это по ее глазам, по тому, как ее мелко трясет.

Провожу пальцем по ее щеке, губами касаюсь уха и говорю еще больше ее пугая:

— Ты заслужила это, — шепчу на ухо, кусая мочку.

С наслаждением впитываю как она дрожит.

Как взволнованно сглатывает.

Как едва трясутся кончики ее настоящих ресничек. Хрен знает настоящих или нет, мне плевать.

Мягко опускаю руку вниз, касаюсь треугольничка ее волос — она тут же покорно раздвигает в стороны ноги. Делает так, чтобы моей руке было удобно, чтобы я могу там все.. все-все.. абсолютно все...

Послушная.

Кроткая.

А может, она вправду боится, что я жестко накажу?

Шепчу ей на ухо то, что ее заведет и успокоит одновременно:

— Не бойся, крошка. Тебе это пойдет на пользу. Как и всегда, впрочем. Ты же знаешь.

Касаюсь ее маленьких нежных складочек указательным, раздвигаю их в стороны и вот он — клитор, его вершинка, горошина. Пик девичьего удовольствия.

И сразу же — не приходится долго ждать никогда — сразу же мне наградой стон:

— Ааах..

Алина аж вспыхивает, подскакивает, выгибается прелестной попкой прямо в меня. Упирается ею...

Ммм... Это не попа... и уж тем более не задница... Это персик — молодой девичий персик, который так и хочется укусить.

Не выдерживаю. Нет.

Опускаюсь вниз, сажусь, присаживаюсь на корточки и кушаю ее попку. Зубами в мяско, в нежную девичью булочку...

Ррр...

Она взвизгивает и тут же смеется, но ее смех очень быстро переходит в взволнованный стон. Слышу нотки страха в ее голосе и это еще больше заводит меня и... ее.

Она стонет, когда мои пальцы входят в нее — резко, без подготовки. Пальцами я не играю с ней.

Пальцами — ебу. Едва развожу складки и сразу вставляю — вглубь, туда, где она содрогнется и сожмется от страха и волнения.

Она уже мокрая, вся горит, она знает что ее ждет...

Палец пока один, но она отлично знает что дальше. И явно чувствует, что я не собираюсь быть нежным.

Сегодня ее наказание.

Когда она врала — знала, на что шла.

Глава 13. Наказание становится строже

Пальца уже два, двигаю ими резко, подготавливая ее лоно к большему — а членом упираюсь в ее зад.

В ее роскошный прелестный персик, который манит тугой дырочкой...

Но нет.

Сейчас киска — голодная, некормленная. **В отличие от жены — Алина всегда хочет секса.** *Такое ощущение, что у нее нет критических дней, а когда есть — рот и попа свободны.*

Всегда свободны.

Никогда не болит голова, она не бывает занята... Не бывает того, что ей не до того или она “сегодня совсем не до секса”.

Я не знаю все ли молодые такие, но Лена была... другой. И тогда я не знал, что есть девушки — жадные до секса, которые не то что не отказывают, а постоянно хотят!

Вынимаю пальцы и эта сладкая дрожь по ее телу. Мурашки бегут друг за дружкой, покрывают ее смуглую кожу, упрямыми бугорками встают словно на защиту своей хозяйки.

Ее пугливый вздох...

Я вхожу в нее одним резким движением. Вставляю член в

кисочку сходу сразу на всю глубину.

Я понимаю, что с красивой девочкой надо бы нежнее, но...

Она заслужила.

Она это знает.

Она...

В моих руках — ОНА.

Громко волнуяще кричит, черным маникюром впивается в стену, выгибает сильнее попку — навстречу мне, как я люблю.

Все делает как я люблю.

Все так, как мне нравится. А может... она и создана специально для меня?

Сейчас у нас не любовь, а жесткий трах — так, как мне и ей надо. Глубоко, ритмично, сильно и... больно...

Ее стон... Напрягаю слух, чтобы каждую капельку ее голоса впитать, чтобы проглотить, чтобы съесть ее всю без остатка, чтобы надышаться ею...

Такое нежное, порывистое, сладкое и вместе с тем полное разврата:

— Ааааах...

Она жаждет продолжения, хочет глубины, но вслух стонет совсем другое, обманчивое, лживое:

— Аааах.... Ммм.. очень глубоко...

— Терпи.

— Аааа, — ее визг становится тоненьким.

Я ощущаю как ей больно, как член пропарывает ее глубину. Возможно, ее никто так глубоко не брал и девчонке по-настоящему больно.

Я расширяю ее узкий вход. Деру глубоко, там, где даже мне чертовски жмет, сжимает, даже трет. Вхожу туда, где... черт возьми.. явно никто.

— Ааааай...

Ей больно. Девчонка просит пощады.

Но что же теперь.

Что же.

Ей придется терпеть.

Все просто как дважды два — не надо мне врать и она это знает.

Наказание — штука болезненная, — как-то я ей говорил, когда поймал на безобидном вранье. Она тогда тоже хлопала невинными глазками, все отрицала, но... потом созналась. Вот я и решил тогда в первый раз ее наказать.

С тех пор нам понравилась игра — и ей, и мне. Мне так нравится говорить про нас с ней “нам” — обобщать меня и малышку.

Rrrrrr!!! Чертовски это заводит.

И с тех пор я частенько ее наказываю.

А как еще воспитывать девочку? Только лобком по ее заднице во время фрикций. Или членом по попе. Или в попу. Когда как.

— Уууу, — она стонет еще громче, ладошки приклеива-

ются к стене, ногти царапают гладкую поверхность.

Да, девочке больно.

Наверное, так и надо отучать малышку врать.

— Ммм, — она едва выдыхает, когда я сбавляю темп, но я делаю это нарочно, чтобы она расслабилась и...

Глава 14. С ней можно

Не даю ей опомниться — начинаю двигаться жестко, быстро, чувствуя, как она сжимается вокруг меня. Как ее сладкое лоно обвивает мой член, как она пульсирует на мне, как она вся... моя... снаружи и изнутри...

И сейчас я спрошу у нее горячее... заранее знаю, что она не просто ответит, а что будет кричать...

Кричать меня.

Моя имя.

Сжимать мой член.

Растворяться во мне.

— Кто твой? — рычу ей в ухо.

— Т-ты...

— Кто?

— Ты! Только ты!

— Кричи.

— Тыыы... Ааай...

Нарочно вгоняю в нее посильнее, чтобы она взвизгнула, задрожала.

— Еще... Не слышу... Еще...

Требую говорить громче, кричать — орать так, чтобы об этом слышали все. Весь мир! Абсолютно!

И она выполняет то, что я скажу. Незамедлительно, тут же... с радостью...

Она делает то, что я прикажу.

Хлопаю по бедру, поворачиваю лицом к себе — смотрю в глаза, впиваюсь ртом в ее губы — сочные, греховные, страстные, бросаю ее на кровать, вгоняю в нее снова.

Как тесно.

Горячо.

Хорошо.

Она вскрикивает, ее ноги обвивают мою спину — крепенькие, натренированные...

С ума схожу от этих икр-бутылочек, от от длинных тонких ножек, которые могут быть такими сильными, если надо обнимать меня.

И то что у нее между ног... Там тоже мышцы и когда она меня сжимает... Я кончаю сразу же. Тут же. В тот же миг.

А потому требую не сжимать, не разрешаю.

И сейчас ей больно, но она послушна и податлива. Только пальчики впиваются в плечи, черный блестящий маникюр. Я хоть и не вижу, но хорошо представляю как красиво смотрятся яркие накрашенные ногти на моих плечах.

Не вижу, но ощущаю хорошо. Надеюсь, следов не останется, а если останется — в принципе, уже плевать. По крайней мере сейчас мне на это все равно.

Да и если будут какие-то следы от наших игр — мы с Леной уже давно не спим друг с другом, так что она и не увидит моих голых плечей. Разве что ночью, когда я раздеваюсь — снимаю с себя всю одежду и ложусь спать, да и то — в

темноте она ничего не заметно.

А так — для всех случаев есть халат.

Так что пусть царапает крошка. Пускай.

Пусть делает хорошо и себе, и мне. Она это на отлично умеет.

А я умею — учить хорошеньких девочек правильно себя вести, никогда не врать и слушаться старших.

Вгоняю член на всю, на максимум. Смотрю в ее глаза, вижу, как расширились зрачки, как ее рот раскрылся широко, чтобы застонать, закричать... В уголках глаз блеснули слезки...

— Больше никогда не врешь, поняла?

Она кивает, задыхаясь. Вижу, что урок пошел на пользу.

— Да...

Ее нежный ротик говорит “да”, но мне этого мало. Я хочу больших признаний, честных и полученных... не совсем честным путем.

Я знаю каким.

Этот способ рабочий — я с Алиной его и придумал. Он действует наверняка, безотказной.

Повторно спрашиваю у нее, делая голос еще строже:

— Ты слышишь меня?

— Да! Да, я поняла, я... — ее слова обрываются стоном, когда я меняю угол, попадая точно туда, куда нужно.

В ту точку, от которой она сходит с ума.

В сладкую точку в ее томной глубине, которая рождает

спазм — она сразу дергается, вздрагивает, закусывает пухлую красивую губу.

Ее тело выгибается, она кричит, цепляясь за простыни. Ее черные ноготки на белых простынях...

Ррр...

Она сжимается, плотно обнимая мой член. Я чувствую, как она кончает, но не останавливаюсь — продолжаю, пока сам не теряю контроль.

Мне хочется оргазма.

Но не хочется, чтобы это все заканчивалось.

Я обожаю ее наказывать. А она — любит хулиганить и этому, черт мне свидетель, не будет конца.

Она будет постоянно хулиганить, а я — ее жестко наказывать. И дай бы боги, чтобы так и было всегда!

Только совесть иногда задалбывает, бывает, как накроет... Но я говорю себе одно: Лене не нужен секс, она постоянно его не хочет. А значит, я имею право искать его на стороне.

Глава 15. Алина старается

С силой вгоняю в нее член, делаю толчки и... разряжаюсь мощным потоком.

Прямиком в нее. Внутрь.

С ней можно.

Она разрешает, говорит — что-то там пьет, принимает. Подробности не знаю. Да и не спрашиваю. Мне как-то плевать.

С ней я не использую презерватив и это такая блажь по сравнению с семейным сексом. Ничего не трет, не надо в самый ответственный момент, когда только захотелось секса — бросать все, вставить идти и искать резинку, доставать ее, раскрывать этикетку и...

Без резинки секс как секс.

И сейчас я деру это сладкое лоно ощущая его все, целиком и полностью своим собственным членом... изнутри...

Ммм...

Моя Алинка...

Как же ты хороша!

Когда все заканчивается, она дрожит, вся мокрая, дыхание сбивчивое. Я притягиваю ее к себе, целую в макушку.

— Больше так не делай, — шепчу.

Она кивает, прижимается. Маленький сжавшийся коте-

нок, который нашел своего покровителя, с которым ему хорошо.

Смотрит в глаза:

— Обещаю.

Мы оба знаем, что это ложь.

Но сейчас мне все равно.

Не описать что она творит, но кончив с ней раз — я тут же возбуждаюсь еще. От ее рук, от ее губ, он ее глаз, которые смотрят на меня вроде хитро, вместе с тем чисто и невинно.

— Алина...

— Мой любимый...

Она наклоняется, целует меня в губы, опускается вниз... язычком трогает сосок — сначала один, потом переключается на другой...

Лежу.

Дышу.

Пытаюсь смотреть в потолок... пытаюсь не дать ей себя завести, но это совершенно бесполезно.

В ласках ей нет равных на всей Земле. Хотя... я мало кого видел кроме Лены, но если сравнивать с ней — то Алина намного больше старается для меня.

Старается языком. Ртом. Руками. Губами. Она даже грудью как-то играла с моим членом — выдумщица еще та!

Она опускается ниже... дышит — выдыхает теплым воздухом, касается меня губами там...

Уххх.

Это невозможно.

Нет.

Я не выдерживаю — и никто другой не выдержит — давлю рукой ей на затылок, принуждая ее опуститься вниз.

Ррр...

С женой так никогда. Никогда не опустишь ее, вот так властно и повелительно нажимая ей на голову. Никогда с ней таких развратных действий не проверить.

Может и не пробовал. Да. Но стоит представить...

Даже представлять не хочу.

Такое с женой точно и не хочется.

А вот с Алинкой — да. Самое то — вот так повелительно, властно, жестко. Она все-таки совсем еще девчонка, а я — взрослый мужчина, серьезный человек.

А потому...

Я опускаю ее вниз и она начинает сосать. Берет головку в рот, но сначала касается язычком, потом облизывает и соприкасается из губок плотное “пю”.

Головку члена подводит к плотно-сомкнутым вытянутым вперед губкам, мажет по ним, рисует и начинает вводить...

Губы плотно обхватывают член, головка от этого безумно возбуждается и начинает дрожать, пульсировать... хотеть ее еще и еще...

Пару фрикций в рот — но глубоких. Девчонке приходится не так-то просто. Обожаю смотреть как она давится, как

вздрагивает, как вытирает слюни ладошкой, как член приносит ей мучения, как она...

Подавилась так, что аж вывела член изо рта.

И тут же поднимает на меня виноватые глаза, тихо шепчет:

— Прости, я нечаянно.

Поднимаю ее за подмышки, снова бросаю на кровать, где простыни уже изрядно смяты.

Глава 16. Лена так никогда...

И вгоняю в неё себя до упора, чувствуя, как её тепло сжимается вокруг меня в мокрой дрожащей волне.

Она стонет, ногти впиваются мне в спину, но я не смягчаю движений - только глубже, жёстче, будто хочу проникнуть в самую душу этой лживой натуры.

Я понимаю, она как и все молодые девчонки — независимые, сама по себе. А потому и так манит меня своей чертовски-свободной сутью...

Выгибается, дышит, сладко стонет.

Чёрт... Лена никогда так не стонала...

Мысли плывут сквозь туман желания.

Жена всегда сдержанна, даже в постели. Никогда ничего лишнего и, не дай бог, развратного. Всегда строго "по расписанию", позы каждый раз одинаковые, а как я предложу попробовать что-то новое, так сразу же все не так.

А эта...

Эта извивается подо мной как червяк на крючке. Выгибается, дергается, вздрагивает. Ее соски смотрят мне в глаза и я тянусь ртом, чтобы их поцеловать. Такие маленькие тугие горошинки...

Касаюсь язычком одного, левого, целую и обхватываю плотно губами, сжимаю, сдавливаю.

— Ммм... глубоко... - Алина выгибается, её бёдра сами

ищут мой ритм.

Я шлёпаю её по бедру, оставляя красный отпечаток.

— Молчи.

Она послушно кусает губу, но глаза горят непокорностью. Именно за это я её и ненавижу...

Обожаю...

И люблю.

Я переворачиваю её на живот, вхожу снова, одной рукой заламывая её руки за спину. Она кричит в подушку, её спина покрывается мурашками.

Я увеличиваю темп, чувствуя, как её тело натягивается как струна, которая вот-вот лопнет, взорвется...

Чёрт, чёрт, чёрт... Лена теплее. Лена пахнет домом. Но эта... эта сучка...

Алина кончает с воплем, её ноги дрожат, но я не останавливаюсь.

Не хочу.

Ненавижу её за эту власть надо мной и считаю, она должна получить свое по полной.

— Андрей... прошу... - она рыдает, но её тело само тянется ко мне.

Я сжимаю её бёдра, чувствуя, как приближаюсь к краю.

С женой спокойнее. С женой безопаснее. Но...

Последний толчок - и я впускаю в неё всю свою злость, всю боль, всю эту грешную страсть.

Она обмякает подо мной, дыша как загнанный зверь. Я отстраняюсь, глядя на её покрасневшую кожу, растрёпанные волосы.

— Больше никогда... никогда мне не ври... - говорю я, но уже знаю - вру сам себе. Что толку?

Я вижу, она лгала... лжет... и будет лгать!

Всегда!!!

Но... разве это повод, чтобы отказаться от такого счастья, как обладать ею?

Иметь ее, брать ее тело так, как хочу Я!

Такого в семье уже давно нет, у жены на уме и в планах одна работа, да и вообще — мы с ней просто родные люди и нам как-то не до секса вот уже много лет. В смысле, не до разнообразия — а просто ночью — и то раз в полгода — без криков и стонов...

А Алина... она не такая. Она... и плевать, что лжет.

Плевать.

Насрать.

Главное — ее рот, ее губы, глаза, нежная шейка... Провожу пальцем линию от губ и веду вниз...

— Ммм, — срывается с ее полных чувственных губ, — ммм...

Черт. Как сладко она стонет, так, что у меня стояк... сейчас будет еще раз...

Я хочу еще и еще ее. Бесконечно трахать во все дырки, иметь ее так, как последний раз... Напиться этой свободы,

этого счастья — трахать совсем еще девчонку. Молодую, свеженькую, сочную...

Кусаю ее, вгрызаюсь в ее шею. На ум приходят вампиры, которые пьют кровь.

То же делаю и я и, черт бы побрал, но как это вкусно! До одурения вкусно пить свежую молодую кровь.

Алина переворачивается, её пальцы дрожат, когда касается моего лица.

— Я люблю тебя, - шепчет.

И я верю.

Потому что иначе придётся признать - это я в нее... по уши.

А это значит...

Значит, я уже давно предал не только Лену.

Но и самого себя.

Алина застегивает мне рубашку, ее пальцы бережно поправляют воротник.

— Ты сегодня такой... встревоженный, — шепчет она, целуя меня в подбородок. — Возьми это.

Она протягивает маленький пакетик с яркой этикеткой:

"Комплекс для женщин 40+. Витамины, коллаген, фитоэстрогены"*.

— Это че...? — я хмурюсь, переворачивая упаковку в руках.

— Нашла хороший. Жене передай. Пусть попробует, я та-

кой маме заказывала, очень помогает.

Молча смотрит на меня.

И я молчу.

— Ты не подумай чего... Я это... от души... Просто для мамы моей он хороший, а Лена... все-таки возраст...

Она прикусывает губу.

Ну актриса!

Ну дает!

Проще свернуть этот разговор и больше никогда к нему не возвращаться, чем сейчас объяснять ей что ее хитрые мыслишки — как дважды два просты. Что она вся — двадцати-с-копейками-летняя дурочка — все хорошо понятно. Но...

Я засовываю БАДы в карман, по дороге выброшу в мусорку.

— Спасибо, — бормочу, целуя ее в лоб, — пока.

— Только не говори, что от меня, — смеется Алина, провожая меня к двери. — А то подумает, что я ее старухой считаю.

Ее смех звенит в моих ушах, даже когда лифт уже едет вниз.

Дома тишина, Лена в последнее время молчалива, черт знает почему...

Ах, да. Завтра у сына день рождения.

Как же я мог... без подарка..

Как-то неловко спрашивать у Лены что подарим Макс.

Она ни слова не говорит, молчит.

Обиделась, что я отказал в машине...

Понятно.

Женщины всегда хорошо помнят даты, а мужчины... могла бы понять. Ну да, забыл я, забегался... бывает.

Ну вот... Наверное, сейчас — она идет ко мне, направляется, взгляд злой, смотрит пристально:

— Сын просит ключи — покататься.

Не смею ничего сказать, молча протягиваю брелок.

Глава 17. Елена: ход конем

Острые плечи, длинные пальцы с маникюром... черным...

Сомнений нет, около сына — точно она. Алина.

Как это могло быть...

По спине пот, аж прошибло всю. Кажется, вспотела вся вплоть до кончиков волос — настолько я охренела, когда увидела это фото.

Только вопрос... Она это специально? Или...

Разве можно случайно выйти на сына мужчины с которым спишь?

Думаю, нет. Но ее ход мыслей мне пока непонятен, вернее, понятен, но не до конца.

Боже. Мой Максимка... Ему-то за что такую стерву бог послал, или кто там управляет амуром?

Хотя о каком амуре может быть речь. Тут явно ее расчет, только вот муж мой — дорвался до сучки и ничего не видит. Глаза бы ему кто раскрыл, но... этим кто-то буду точно не я.

Она отворачивается от кадра... я даже слышу, как она просит ее не снимать. Но Макс берет и делает фотку, не спрашивая выкладывает и...

Лайк поставила дочь. И написала коммент:

“Вы круто смотрите вместе”. И смайлик — большое сердечко, проткнутое стрелой.

Стрела — это я, а сердце похоже на жопу.

Пока еще не знаю как, но... я им всем... покажу!

Уснуть не удалось совсем, благо — суббота, а потому я осталась в постели, когда муж проснулся-умылся-ушел.

На работу.

В субботу.

И в воскресенье, я не сомневаюсь, у него будет важная встреча. Охрененно деловая.

Что же.

Звоню Аньке, дочери, как ни в чем не бывало, спрашиваю как она, как работа, как жизнь. Она пашет пятидневку, работая в банке, а потому особенно ценит утро субботы. Обычно я сама не звоню, вот она и подрывается, спрашивает встревоженно:

— Мам? Все нормально?

— Да-да. Просто... решила позвонить.

— А, хорошо...

— Как ты там?

— Да нормально, устала, правда. Опять эти переработки...

— Че, вчера допоздна?

— Пришлось. Хочу показать себя хорошо, банк солидный...

Анюта на заочке и уже работает в банке, только начала, недавно устроилась — но уже на хорошем счету. Сказали,

после диплома и стажировки ее — сразу на хорошее место, что редкость. Вот и держится, правда, устает.

— Как брат?

— Макс? Не знаю. Нормально.

Сама вывожу на разговор:

— У него девушка что-ли...

— Да. Вроде Алина.

Вот так сходу.

— Ты ее знаешь?

— Не. Ни разу не видела. Только на фотке. Хочешь — зайди и посмотри, я тебе скину ссылку...

— Не, не надо. Если сможешь — пробей все что сможешь на имя Климова Алина...

Называю все, что известно — год рождения, место работы, отчество...

— Мам, а зачем? Че, думаешь Макс в че-то влип?

— Не, за Макса беспокоиться пока рано.

— Мам, пугаешь.

— Не пугайся, родная. Материнская любовь — она такая. Пробей, пожалуйста, только Максусу не говори.

Болтаю с дочерью и отправляюсь на кухню приготовить для себя что-то вкусное. Сегодня время... хорошенько во всем разобраться и, в первую очередь, подумать о себе.

— Алина Климова, родилась в 2002, смотри, не скрывает возраст, — удивляется дочь в трубку. Родной город указан

как Кириши — это где-то под Питером, — добавляет дочь.
Так, ну фоток тут полно...

— Слушай, Анют... нарой про нее все, что можно.

— Конкретнее, че надо.

— Абсолютно все.

— Мам, блин, кто она такая?

— Ну...

— Ты это... за Макса что ли переживаешь?

— Анют, нет.

Дочь говорит-говорит-говорит...

А завтра у сына день рождения.

Я как сейчас помню слова Андрея “Машина ему не нужна”.

Вечером звоню сыну.

— Привет, мам.

— Как дела? — спрашиваю невинно.

— Да нормально. Учёба, дела...

— Ничего нового?

Пауза.

— Да вроде нет.

— А Алина?

Тишина.

— ...Что?

— Алина Климова. Как давно ты с ней не знаком?

— А откуда ты... — он замолкает, потом резко: — Мам,

ты за мной следишь?

Я тихо смеюсь.

— Нет, сынок. Я слежу за ней.

Он молчит, даже переспрашивает — этакое ленивое, вчерашнее подростковое “чeee?”

Но я молчу.

— С наступающим, — перевожу тему, — мы ждем тебя в гости.

— Ма, я завтра не приду, — голос сына торопливый.

— Ну ладно. Че, твои кексы не печь?

— Не, кексы пеки. Я вечером заберу.

— Вечером? А если нас не будет дома?

— Ну... Ключи есть, я зайду, возьму.

Сын обожает мои кексы, я пеку их с самого его детства. Шоколадные, внутри со сгущенкой — а он так сладкое любит, что все детство его мучил диатез. Помню как лечили его...

Сейчас-то уже ничего нет, вот он вовсю и отрывается. Да и плюсом то, что эти кексы я пеку, от силы, пару раз в год.

Его “я вечером заберу” — это значит, он истосковался по моим сладостям. Что же, напеку для сына... он не виноват.

— Может, посидишь-зайдешь хоть...

— Не, — торопливо, быстро, — слушай, а спросишь у отца ключи от машины, мне покататься.

В прошлый раз просила я. Обычно, раньше муж всегда срывался, вечно злился что это противозаконно и небезопасно, но в этот раз...

Увидев мой строгий взгляд — молча протянул брелок.

Глава 18. Кексы

Все воскресенье муж провел дома, занимаясь делами. Холодно, чуждо, молчаливо.

Ни я не о чем не говорю первой, ни он. Так и стоит тишина.

Это уже не семья, конечно. Можно сказать глядя на нас, что между нами просто ссора, но такое не прощают.

Я не прощаю.

Не знаю как другие, но я... не смогу простить.

Наверное, не смогу.

Смотрю на него, на красивую широкую спину, которую *я так любила обнимать, подходя к нему сзади.* Даже сквозь халат видно, как играют его мышцы — уверенно, четко, не зря он много лет юности отдал спорту и сейчас по вечерам занимается.

Занимается. По вечерам...

Сейчас уже, конечно, совсем не тем.

Андрей, тем временем, ловко перевернул стейк на сковороде, масло зашипело, пахло вкусно, ароматно, по-домашнему...

Вижу его профиль — серьезное хмурое лицо.

Доготовил, накрыл сковороду крышкой — и свалил из кухни. Только теперь на кухню захожу я. Быстро ставлю тесто для кексов, леплю и оставляю на расстойку.

Звенит телефон, сын:

— Ма, ключи дашь?

— Спроси у отца.

— Ма... Может вынесешь? Лень подниматься.

— Сын. Что значит лень? Возраст что-ли? Не переживай,

отец даст. Я договорилась, он согласен.

— Ладно.

Кричу ему в трубку, что кексикки еще не готовы, что пока только на расстойке и приготовятся через пару часов.

Но он уже не слушает.

Идет.

Нехотя поднимается к нам, берет ключи от новенькой бэ-хи и, не сказав спасибо, уходит. Я еле успела обнять его на прощанье, чмокать в щеку не стала. Уже большой.

— Мда, — тянет муж, я закрываю дверь, — какое к нам отношение...

Молчу.

Не ему бы говорить про отношения.

Ему бы молчать.

Ближе к ночи пишу сыну:

— Кексы испеклись. Приезжай забирай, если хочешь.

Час молчит, полтора... Ну, думаю, наверное уже увлекся с этой Алиной и не отвечает.

Противно, конечно, даже думать об этом. Представлять. Как представляю...

Нет. Все.

Увольте.

Мои нервы дороже.

Макс — мальчик молодой, шепутной справится сам.

Все. Выкидываю мысли из головы.

Как будет — так будет, что я еще поделаю. Дело его. Как-нибудь сам разберется.

Все равно это все скоро всплывет.

Пытаюсь сохранять спокойствие. Как могу, из последних сил.

И вот от сына приходит смс-ка, спустя два часа:

— Уже еду. Вынесешь?

Едет. Сюда. На машине. На отцовской хорошенькой бэхе и, скорее всего, не один, раз пишет поздно ночью.

**В голове молниеносно зреет план и я пишу лживое:
— Вынесу кексы. Приезжай.**

Полчаса и от сына “я здесь”. Бужу спящего мужа.

Мужа... Мозг по привычке так и говорит, а чувствительное тело коробит...

Обращаюсь к Андрею:

— Там темно уже. Вынеси Максy.

Обычно импульсивный, но сейчас как собачка покорный — муж встает, одевается и идет к подъезду выносить кекс.

А я засекаю время. Как долго его не будет и вообще...
получится ли мой ход конем?

Ведь в машине с ним явно она. Но ста процентов нет, я не уверена.

А вдруг Макс один? Проводил девушку и пошел лопать кексы. Вряд ли, конечно, он у меня парень красивый, весь в мужа — спортивный, крепкий, с харизмой...

Хлопает дверь.

Входная.

Андрей.

Злой...

Смотрю на него серьезно. Он же не знает, что мне... все известно.

Лицом мужа можно убивать — настолько злые глаза, взгляд — касается меня, словно опасной бритвой — по коже огнем, ужасный, страшный, страшной некуда. Вспыльчиво торчащие губы — его крупный красивый рот перекошен от злости.

Что?

Задерживаю взгляд на нем дольше чем надо. Но муж порывисто садится в кресло и утыкается в телефон.

Друзья! Лучики мои!

Я так рада видеть комментарии! У меня аж глаза блестят и руки чешутся писать-писать-писать))

Про облогу: я решила изобразить вовсе не портрет героини, а ее психологическое состояние. Просто... знаю его на себе.

Помню из своей жизни момент, когда для себя уже все решила, когда морально готова... (даже не хочу писать это слово — развод)...

Для всех я улыбалась, для супруга была — краше всех, всегда на подъеме, при улыбке, довольная-счастливая-красивая... Не показывала своих эмоций.

Вообще, по жизни, я спокойно держу лицо — одна из моих профессий тесно связана со сценой. (блин, две моих профессии — это сцена))

И как сейчас помню тот момент — муж забрал из дома все вещи, остались в шкафу только его рваные носки (не дошли до мусорки). Квартира опустела. В ней реально даже стены стали пустыми... не знаю как это словами описать...

Да. Я сама была к этому готова.

Инициатор развода — я.

Но на душе...

Я подошла к зеркалу. Из тридцатилетней девушки я превратилась в старуху — волосы — пакля, в глазах боль, кожа разве что не бледная (я смуглая), но очень жухлая.

И это при том, что развода хотела я.

Больно терять то, что за годы жизни прикепело, даже если другой человек — г...вно. И на облоге — именно то, что внутри героини, ее эмоция, ее боль.

Если книжка зашла — то предлагаю похожую — на моем основном акке

<https://litnet.com/shrt/PQi5>

Лучия Мун — это я))

Вот ссылка на страницу <https://litnet.com/shrt/PQe5>

Там в основном жесткое эро. Горячее, но честное, где удовольствие и боль образуют единый коктейль — на вкус поначалу терпкий, а потом как затягивает)

Вот промики на Развод 50 оттенков БДСМ

N-cRCekD

71UDdtQg

b8CmO_ep

Wu10G9Ov

9UyJx-9P

Горячего чтения, а я... пойду бахну крошки)) Подзаряджусь вкусеньким и сяду в ночь писать) В планах новинка на Лучии, но пока не будем загадывать)

Если что — все тут сообщу))

Глава 19. Боль — моя подруга

Чёртов понедельник. В горле стоит этот мерзкий комок — будто проглотила кусок колючей проволоки и он застрял и царапает самое мягкое, доверчивое.

Поперек горла, костью застрявшей, стоит надвигающееся: **сегодня вечером индивидуальная тренировка. Моя. И её.**

Она придет, как обычно: с улыбкой, сияющими глазами, в супер открытом топе и ярких лосинах, показывая своя блядский зад, которым она уводит мужчин из семьи.

Чужих.

Кто-то скажет — красивая, а я скажу — лицемерная сука. Тренирует женщин, а за их спиной — уводит мужей.

Я так и вижу как она зайдет в зал — с привычным «Привет, Лена!», даже не подозревая, кто я такая.

Что мне все известно.

Что я... знаю ее со всех сторон.

Знаю, как мой муж нашел ее в машине со своим сыном. В своей машине. Со своим сыном.

Господи-боже до чего мерзко. Фу.

Уверена, черта с два, что она не знает, кто для Макса — я. И даже не предполагает, а мне так хочется, чтобы ее маленький мозг допер, что и большой город может быть тесным, если есть интернет, глаза и мозги.

Но она...

Чувствую, эта падла хочет такое устроить, раз прилипла сразу на папика и его сына.

Что же, не на ту напала, — злоба закипает внутри.

Уверена, она специально приманила Макса в своих мерзких целях. Просто Макс... он пока еще наивный. Чисто гипотетически — зачем мой шалопай это стерве? Зачем ей мой сыночек?

Явно не просто так!

А уж ему-то она мозги запудрит всякими ути-пуси и круглой виляющей жопой. И он будет думать, что он один-единственный такой нужный этой стерве, и ничего, что он ездит на машине папы.

Что у него нет своей.

Что он мотается покушать к маме, потому что он не умеет сам готовить.

Что он...

Нет. Все.

Больше не могу!

Злоба так и закипает!

Главное, выдержать и не сорваться, не высказать этой курве всего-всего и сразу! Не дать по ее наглой морде хорошенько, чтобы больше свой чертов нос в чужие семьи не совала.

Ни в мою! Ни в чужие! Ни в чьи!!!

Руки начинают трястись, ноги дрожать, сердце выбивает

такой ритм, что проще станцевать африканский танец, чем осознать, что это стучит сердце.

Нет-нет-нет. Успокойся.

Так нельзя.

Дышу, остужаю свой пыл. Хлопаю себя по щекам.

Так. Все. Надо собраться.

Сегодня у меня «индивидуальная тренировка».

Закрываю отчет и достаю сумку с формой. Еще час — и я снова увижу ее.

— Ну что, Елена, готова к попотеть? Как мышцы, болят?— Алина смеётся, поправляя свой тугой хвост. Так бы и дернула, чтобы он оторвался, и приклеила бы этот хвост к заднице лошади. Мне кажется, на отлично бы пошло.

Собираю себя в кулак. Вдох-выдох. Все в порядке, успокойся, все будет нормально.

Разжимаю губы в улыбке, получается дьявольская, но уж какая есть — улыбаюсь в ответ. Выдаю такой ответ, что нормальная — не дура — быстро бы хоть что-то сообразила:

— Боль — моя лучшая подруга.

Но нет. Она тупая, по всей видимости. Вся сила природы ушла в красоту.

Она поднимает бровь, явно не ожидая такой фразы от «скучной бизнес-леди».

— О, мне нравится твой настрой!

Мы начинаем. Она ставит меня перед зеркалом, поправ-

ляет мои плечи, касается спины. Её руки тёплые, уверенные — вроде бы все нормально.

Но в этих движениях есть что-то... блядское. Слишком вольное, слишком развязное. То, чего во мне нет и никогда не будет.

Мне становится не по себе, хотя вроде ничего плохого не происходит.

Решаю поговорить, просто — якобы так, случайная болтовня:

— Ты знаешь, — говорю я, делая выпад, — у меня сын почти твоего возраста.

Чувствую, как внутри закипает.

— Серьёзно? — Она хмыкает. — Не выглядишь на маму взрослого парня.

— Скоро двадцать.

— О, классно! А чем увлекается?

— Ерундой...

Про себя... в мозгах продолжение фразы... “ерундой.. вроде тебя”.

Она улыбается, но в её глазах промелькнуло что-то... знакомое.

— Молодые парни — это весело, — говорит она небрежно, но я уже вижу.

Вижу, как её взгляд скользнул к телефону, когда он завибрировал. С интересом смотрю что дальше, слежу, как меняется её лицо.

Вижу, как она быстро проверила сообщение — её губы дрогнули в лёгкой улыбке.

Вижу, как заблестели глаза от прочитанного.

Интересно, кто: муж или сын?

Глава 20. Сын не виноват

Таки не выдерживает, отвечает на звонок, прижимает смартфон к уху и говорит короткое:

— Я перезвоню.

А потом смех — такой мелодичный, но вместе с тем интимный.

Как ответственный работник она не болтает по телефону, кладет трубку и подходит ко мне.

Ее аромат. Она пахнет... моим мужем!

Кое-как дорабатываю с ней тренировкой и лечу в душ.

Мысли-мысли-мысли...

Какое от них отделаться, одно дело купаться дома, другое — наспех принимать душ здесь, в фитнес-центре, просто чтобы отмыться от пота.

Льющийся кипяток на башку словно наоборот все в башке выводит на максимум. Мысли кипят в голове, шебуршатся, множатся.

Я постоянно думаю. В голове бардак, который на глазах превращается в четкую структуру.

Алина не знает, что мне известно.

Андрей боится себе признаться.

А сын... Теперь знает многое. Значит, скоро узнает и его сестра.

Игра началась.

Не хотелось бы впутывать детей, но раз Макс сам туда гад-ко впутался, что же теперь сделаешь.

Он не виноват.

Он просто пешка в ее игре. Он не понимает, что его используют и как бы мне ни было тяжело — теперь его использую я.

Выхожу из душа, сушусь и сажусь в машину.

Уютная темнота.

Опускаю голову на руки и просто сижу.

Я не включаю на телефоне звук.

Не отвечаю.

Пусть Андрей подавится своими звонками, своими оправданиями.

Завожу машину. Мотор рычит, будто чувствует мою ярость. В голове — бред: его рука на её талии, её смех, их переплетённые пальцы с черным маникюром.

Сколько раз они... пока я была в неведении?

Как давно? Как долго?

И как теперь, если сын и отец... оба знают...

Выкидываю мысли из головы.

...

Передо мной — два пути. Направо — домой. Туда, где Андрей, возможно, уже рвёт на себе волосы. Все-таки позд-

ний вечер, меня нет дома. Впервые, надо сказать, так.

Налево — туда, где живёт сын.

Я поворачиваю налево. Решительно. Уверенно. Твердо.

Нет, я не собираюсь устраивать сцену. Не буду кричать, бить посуду, требовать ответов. Я просто подъеду к его дому. Посижу в машине. Подумаю.

Потому что теперь я держу нити. И если уж рвать — то так, чтобы всем было больно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.